

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА ДОНАЛЬДА ТРАМПА

М.И. Абизова

Международный университет Астана, Астана, Казахстан

E-mail: a.maryam.4444@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается трансформация американо-китайских отношений в первые несколько месяцев второго президентского срока Дональда Трампа – с января 2025 г. по август 2026 г. Объектом исследования выступают двусторонние отношения Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики в качестве центрального узла современной мировой политики, предметом – логика перехода от тарифной эскалации весны 2025 г. к «ограниченной стабилизации», зафиксированной саммитом лидеров в Пусане в октябре 2025 г. и визитом Д. Трампа в Пекин в мае 2026 г. Актуальность работы связана с ускоренной сменой фаз соперничества – от системного противостояния к тактической нормализации и обратно к точечным ограничениям – и с необходимостью ее осмысления для государств Центральной Азии. Анализ выстроен по нескольким взаимосвязанным измерениям: экономическому, дипломатическому, технологическому, военно-стратегическому, внутривластическому, а также с учетом ответной стратегии Пекина. Теоретическую рамку исследования образует сопоставление структурного реализма, либерализма и конструктивизма, что позволяет выявить как устойчивость структурного соперничества двух держав, так и его новые формы – избирательную секьюритизацию экономических связей, точечный экспортный контроль в сфере полупроводников и критически важных минералов, а также личную дипломатию двух лидеров. Наиболее вероятной траекторией развития событий на 2026-2028 гг. остается сценарий стратегической паузы, в течение которой США и КНР укрепляют собственные позиции перед возможным новым раундом обострения. Результаты исследования представляют интерес для формирования взвешенной многовекторной внешней политики государств Центральной Азии, включая Республику Казахстан.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика, Дональд Трамп, Си Цзиньпин, американо-китайские отношения, стратегическое соперничество, тарифная война, экспортный контроль, редкоземельные металлы, Индо-Тихоокеанский регион.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим значением американо-китайских отношений для устойчивости глобальной экономики, режима нераспространения, ситуации вокруг Тайваня и Южно-Китайского моря, а также перспектив безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Возвращение Дональда Трампа в Белый дом 20 января 2025 г. открыло новый этап в отношениях двух ведущих мировых держав. За первые несколько месяцев второго президентского срока американо-китайское взаимодействие прошло через резкую тарифную эскалацию весны 2025 г., когда взаимные пошлины достигли беспрецедентного уровня – 145% со стороны Соединенных Штатов и 125% со стороны Китайской Народной Республики, – а затем через разворот к ограниченной стабилизации, зафиксированной саммитом лидеров в Пусане 30 октября 2025 г. и визитом Д. Трампа в Пекин 14-15 мая 2026 г. Столь стремительная смена фаз – от системного противостояния к тактической нормализации и обратно к точечным ограничениям – ставит задачу переосмысления самой природы соперничества двух держав. Второй срок Д. Трампа принес качественный концептуальный сдвиг – рамка стратегического соперничества великих держав, определявшая курс администрации Джо Байдена, уступила место транзакционному подходу, сфокусированному на торговле, технологиях и минимизации идеологического компонента. Экспортный контроль и тайваньский вопрос из неотступных требований национальной безопасности превратились в разменные инструменты сделок, а взаимодействие двух лидеров стало фактором двусторонней стабилизации.

Для государств Центральной Азии, включая Республику Казахстан, своевременное понимание логики новой фазы соперничества выступает практическим условием формирования взвешенной многовекторной внешней политики. Тактическая нормализация не устраняет структурных рисков, а лишь откладывает их. Сохранение непредсказуемости американского курса, инструментализация экспортного контроля и режима вторичных санкций в сфере критически важных технологий и минералов создают для различных стран как окна возможностей за счет переориентации глобальных цепочек поставок, так и новые ограничения.

Объектом исследования выступают двусторонние отношения Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики в первые несколько месяцев второго президентского срока Д. Трампа. Предметом исследования являются механизмы и логика трансформации этих отношений по совокупности экономического, дипломатического, технологического, военно-стратегического и внутривластного измерения с учетом ответной стратегии Пекина. Цель исследования – выявить ключевую логику трансформации американо-китайских отношений в 2025-2026 гг. и определить наиболее вероятную траекторию их развития на 2026-2028 гг. Задачи исследования: определить теоретические рамки анализа через сопоставление структурного реализма, либерализма и конструктивизма; проследить динамику двусторонних отношений по различным измерениям; оценить сценарные перспективы 2026-2028 гг.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу настоящего исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза. Метод сравнительного анализа использовался для сопоставления внешнеполитического курса второй администрации Трампа с политикой первого срока и с курсом администрации Байдена. Историко-хронологический метод позволил выстроить последовательность ключевых событий двусторонних отношений в период с января 2025 г. по август 2026 г. – от инаугурационного телефонного разговора лидеров, тарифов «Дня освобождения» апреля 2025 г. и последующих деэскалационных договоренностей мая 2025 г. до саммита в Пусане 30 октября 2025 г., визита Дональда Трампа в Пекин 14-15 мая 2026 г. и ожидаемого визита Си Цзиньпина в Вашингтон 24 сентября 2026 г. Метод структурно-содержательного анализа применялся для выделения различных измерений двусторонних отношений – экономического, дипломатического, технологического, военно-стратегического, внутривластного и с учетом ответной стратегии Пекина. Дискурс-анализ использовался при работе со Стратегией национальной безопасности США 2025 г., публичными заявлениями Дональда Трампа и Си Цзиньпина, а также с концептуальным аппаратом китайской внешнеполитической мысли. Контент-анализ применялся к аналитической периодизации двусторонних контактов и стратегическим документам обеих сторон.

Эмпирическую базу исследования составили официальные документы – Стратегия национальной безопасности США 2025 г., публичные заявления и решения органов исполнительной и судебной власти Соединенных Штатов, материалы Федеральной комиссии по связи США, а также научные статьи в рецензируемых журналах, аналитические доклады ведущих исследовательских центров, хронологические матери-

алы двусторонних контактов и материалы экспертных публикаций казахстанских, российских, китайских, американских, украинских и австралийских авторов.

Теоретическую рамку исследования образует сопоставление трех ведущих парадигм теории международных отношений – реализма, либерализма и конструктивизма.

Таблица 1. Сравнение парадигм теории международных отношений в контексте соперничества США и КНР

Критерий	Реализм	Либерализм	Конструктивизм
Основной фокус исследования	Материальная мощь (прежде всего военная сила) и выживание государств как рациональных эгоистичных акторов в условиях анархии.	Взаимодействие через институты, экономическая взаимозависимость, общие ценности и абсолютная выгода от сотрудничества.	Идентичность, идеи, нормы, культура и восприятие, которые конструируются в ходе социального взаимодействия государств.
Почему государства соперничают?	Анархическая природа системы заставляет конкурировать за безопасность. По мере сокращения разрыва в силе (транзит власти, «ловушка Фукидида») вероятность конфликта между гегемоном (США) и растущей державой (КНР) возрастает.	Из-за несовпадения мировых порядков под руководством США и КНР. Либеральный порядок не смог интегрально изменить Китай. КНР сохранила однопартийную систему и создала параллельные институты (как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций).	Соперничество – это социальный конструкт, а не неизбежность («анархия – это то, что из нее делают государства»). Напряженность вызвана несовместимостью недемократической культуры КНР с западными либеральными ценностями.
Как государства соперничают?	Исключительно военные средства, наращивание потенциала (внутреннее балансирование) и создание оборонных альянсов (внешнее балансирование).	Невоенные методы: институциональное балансирование, экономическое и сетевое искусство управления государством (санкции, тарифы), а также «мягкая сила».	Идейные инструменты: идеологический антагонизм (демократия против автократии), дискурсивное конструирование институциональная социализация.
Как управлять соперничеством?	Поддерживать баланс сил и ядерное сдерживание как «предохранитель». Использовать стратегии «разумного самоограничения» и вести переговоры по контролю над сдерживанием особенно вокруг Тайваня.	Отделять институциональную конкуренцию от идеологической борьбы. Конкурировать внутри институтов, извлекая полезные эффекты (общественные блага), и сосредоточиться на внутреннем развитии и стабильности.	Проводить политику постепенной и мирной идейной конкуренции через каналы официальной и народной дипломатии. Сосредоточиться на укреплении собственных ценностей внутри страны.

Источник: таблица составлена автором на основе [1].

Результаты и обсуждение. Экономическое измерение. Первые сто дней второго срока принесли резкую эскалацию торгового противостояния за всю историю. Еще в феврале-марте 2025 г. Дональд Трамп ввел дополнительные 20%-е пошлины на китайские товары под предлогом борьбы с фентанилом, а Министерство торговли США внесло 54 китайские компании в санкционный список [2, с. 36]. 2 апреля 2025 г. Трамп объявил о «взаимных пошлинах» – универсальном 10%-ном сборе на весь американский импорт и специальных ставках до 49% для отдельных стран. С. Чан и В. Ху характеризуют этот шаг как крупнейшее повышение американских тарифов со времен Закона Смута-Хоули 1930 г. [3, с. 525-526].

Пекин ответил зеркально – к апрелю 2025 г. китайские тарифы достигли 125% против американских 145% [4, с. 28-29]. Как замечает А. Габуев, поскольку США закупают у КНР больше, чем продают, тарифы ударили сильнее по китайским экспортерам, что вынудило Пекин прибегнуть к асимметричным нетарифным мерам – прежде всего экспортному контролю над редкоземельными металлами [5]. Американская военно-промышленная и высокотехнологичная отрасли столкнулись с реальной угрозой остановки производства. Дополнительным фактором, как отмечают И. Стржельська и Н. Калюжна, стал рост китайских расходов на НИОКР, приближающий КНР к США по инвестициям в исследования [6, с. 13]. А. Рифаи характеризует возвращение Трампа как «новый эпизод торговой войны», когда тарифы превращаются в инструменты экономического сдерживания во внешней политике [7, с. 10].

В мае 2025 г. Белый дом пошел на деэскалацию. 12 мая переговоры в Женеве положили начало новому этапу отношений, определяемому С. Ву как формат продолжительной параллельной «драки и переговоров» – вплоть до двусторонних осенних встреч в Куала-Лумпуре и Пусане [2, с. 37].

Торговая война 2025 г. не привела к разделению цепочек поставок в масштабах, о которых говорили ее сторонники, а лишь обнажила пределы принуждения и возможностей США в управлении мировой экономикой [8, с. 1]. Статистика продолжила фиксировать сокращение американо-китайского товарооборота: в 2025 г. товарооборот упал на 29%, а в первом полугодии 2026 г. снизился еще на 21% [9].

Символическим завершением активной фазы тарифной войны стало решение Верховного суда США в феврале 2026 г., признавшее незаконным использование Закона о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA) в качестве правовой основы для тарифных ограничений. В марте 2026 г. администрация была вынуждена запустить расследования по параграфу 301 Закона о торговле 1974 г. – по обвинениям в избыточных мощностях и в применении принудительного труда, – восстанавливая «доконституционный» двадцатипроцентный уровень [10].

Тарифную политику Трампа следует рассматривать не как отдельную меру, а как катализатор трансформации мировой политэкономии – перехода от американоцентричного, ВТО-центричного порядка к многополюсной архитектуре, в основе которой лежит «стратегический регионализм» [8, с. 1]. Тарифы становятся не столько защитой национальных производителей, сколько инструментом отсоединения США от глобальных цепочек, что вызывает далеко идущие последствия для стран Глобального Юга.

Ч. Чжан подчеркивает, что внешнеэкономическая политика США в отношении КНР проходит процесс «избирательной секьюритизации», когда экономические вопросы чаще квалифицируются как вопросы национальной безопасности. Американский подход эволюционирует от «глобалистского понимания свободной торговли на основе вовлечения» к «двусторонней справедливой торговле на основе конкуренции и исключения», а взаимозависимость двух экономик чаще воспринимается как источник уязвимости, а не эффективности [11, с. 106].

Дипломатическое измерение. С возвращением Д. Трампа в дипломатической сфере наблюдается симптоматичный сдвиг. Ранее доминировавший термин «соперничество великих держав» ни разу не встречается в Стратегии национальной безопасности США 2025 г. – документ сфокусирован на технологической и экономической конкуренции [12].

С. Чжао подмечает, что второй срок разрядил ту новую Холодную войну, которую первая администрация Трампа помогла разжечь [13, с. 2]. Президент США воздерживается от критики китайской политической системы, обходит темы Синьцзяна, Тибета и Гонконга, смягчает риторику по Тайваню [14]. С. Ву выделяет три этапа эволюции американо-китайских отношений: «не подерешься

– не подружишься», попеременные «драки и переговоры» и «хрупкая стабильность» [2].

Поворотной точкой стала встреча Дональда Трампа и Си Цзиньпина в Пусане 30 октября 2025 г., когда стороны договорились о годичном перемирии в тарифной войне и о формировании двусторонних рабочих групп по острым вопросам [14]. Продолжались переговоры вице-премьера Госсовета КНР Хэ Лифэна и министра финансов США С. Бессента по экономическому взаимодействию [9].

Э. Кэган обращает внимание на то, что Трамп и Си разделяют общую цель – продемонстрировать свое мастерство в управлении друг другом [15]. 14-15 мая 2026 г. состоялся первый за девять лет визит президента США в Пекин, во время которого стороны подтвердили приостановку экономической войны, отказавшись от новых тарифных ограничений и мер экспортного контроля. Была сформирована новая модель отношений, которую Си Цзиньпин определил как «конструктивные отношения стратегической стабильности», а американская сторона не стала оспаривать эту формулировку [9]. Обсуждались крупные китайские закупки – 200 самолетов Боинг, ежегодный импорт американской сельхозпродукции на 17 млрд долл., – однако ни один проект реализован не был [9]. П. Ким и Дж. Ян справедливо констатируют, что «риторика и амбиции опережают результаты» [16]. Трамп неоднократно заявлял о наступлении «эры G2», подчеркивал личные отношения с Си и утверждал, что при сотрудничестве они могут решить любые мировые проблемы [14]. Ч. Синь описывает стратегию Трампа в отношении КНР как «трехкомпонентную», сочетающую стратегическое сдерживание, принудительный торг и утилитарное сотрудничество [17, с. 28].

Стороны заметно снизили накал и стали избегать провокационных шагов. Американская военно-морская и военно-воздушная активность вокруг Тайваня и в Южно-Китайском море резко сократилась с середины 2025 г. Если в 2024 г. было зафиксировано пять проходов американских военных кораблей через Тайваньский пролив, то в первом полугодии 2026 г. – только один, также не проводились патрулирования. Пекин, в свою очередь, вернулся к пассивному внешнеполитическому курсу образца 1990-х – 2000-х гг., взяв на себя роль «статиста» в тайско-камбоджийском пограничном конфликте декабря 2025 г., «похищении» президента Венесуэлы в январе 2026 г. и региональной войне на Ближнем Востоке в феврале 2026 г. [9]. М. Клэрк анализирует эволюцию американо-китайского соперничества через призму трех сценариев. Хороший сценарий предполагает удержание соперничества в управляемых рамках; плохой связывается со снижением вовлеченности США при сохранении мощи КНР; а худший фиксирует опасную комбинацию сокращения американской вовлеченности, экономической китайской стагнации [18].

Таблица 2. Дипломатические контакты США и КНР (2025-2026)

Дата	Событие
20 января 2025	Илон Маск встречается в Вашингтоне с вице-президентом КНР Ханем Чжэном. Обсуждаются инвестиции Tesla в Китай и экономические отношения при новой администрации
10 февраля 2025	Дональд Трамп в интервью Fox News заявляет, что общался по телефону с Си Цзиньпином и его командой после инаугурации, отметив их «очень хорошие личные отношения».
23 марта 2025	Премьер Госсовета КНР Ли Цян принимает в Пекине группу американских сенаторов во главе с республиканцем Стивом Дэйнсом. Обсуждается важность диалога вместо конфронтации.
26 марта 2025	Торговый представитель США Джеймисон Грир проводит переговоры по видеосвязи с вице-премьером КНР Хэ Лифэном для обсуждения взаимных пошлин и сделки по TikTok.
9 мая 2025	Вице-премьер КНР Хэ Лифэн проводит четырехдневные переговоры в Швейцарии (9-12 мая) с министром финансов США Скоттом Бессентом и Джеймисоном Гриром, положив начало перемирию.

5 июня 2025	Дональд Трамп и Си Цзиньпин проводят полуторачасовой разговор по телефону. Сглаживаются противоречия вокруг экспортного контроля редкоземельных металлов, Си Цзиньпин приглашает президента США посетить Пекин.
9 июня 2025	Хэ Лифэн встречается со Скоттом Бессентом, Джеймисон Гриром и министром согласовывают, договариваются о поставках редкоземельных металлов. торговли рамки США выполнения Говард Лутником Женевского в Лондоне. консенсуса Стороны и
27 августа 2025	Торговый представитель КНР Ли Чэнган посещает Вашингтон для встреч с Минфином и Минторгом США. Обсуждаются вопросы закупок Китаем американской сои, аграрной продукции и компонентов Boeing.
10 сентября 2025	Государственный секретарь США Марко Рубио созванивается с министром иностранных дел Ван И, а глава Пентагона Пит Хегсет проводит видеозвонок с министром обороны Китая Дун Цзюнем для поддержания каналов военной связи.
15 сентября 2025	Встреча Хэ-Бессент-Грир в Мадриде приводит к согласованию рамочного соглашения по TikTok, предотвращающего его блокировку в США.
19 сентября 2025	Дональд Трамп и Си Цзиньпин проводят разговор по телефону, подтверждают прогресс по TikTok и договариваются встретиться лично на саммите АТЭС в Сеуле.
24 октября 2025	Торговое представительство США запускает расследование соблюдения Китаем условий Торгового соглашения первой фазы (Phase One Deal) 2020 года из-за невыполнения КНР объема закупок.
26 октября 2025	В Малайзии проходят двухдневные интенсивные переговоры Х. Лифэна, С. Бессента и Д. Грира. Сформирован проект торгового компромисса к саммиту АТЭС.
30 октября 2025	Главы США и КНР подписывают Пусанское соглашение на полях саммита АТЭС в Южной Корее. США снижают фентаниловые пошлины до 10%, Китай приостанавливает ограничения на экспорт редкоземельных металлов и сои.
24 ноября 2025	В продолжение Пусана Трамп и Си по телефону обсуждают детали сделки по закупкам американской сельхозпродукции и сотрудничество по пресечению наркотрафика фентанила.
5 декабря 2025	Хэ Лифэн в видеозвонке обсуждает с С. Бессентом и Д. Гриром практические шаги по выполнению Пусанского соглашения, подтверждая выдачу лицензий на редкоземельные металлы.
4 февраля 2026	Дональд Трамп заявляет об «отличном» разговоре с Си Цзиньпином по телефону. Обсуждались закупки Китаем до 20 млн тонн американской сои, поставки самолетов Boeing, ситуация вокруг Тайваня и Украины.
20 февраля 2026	Белый дом официально подтверждает планы Д. Трампа совершить первый за 8 лет государственный визит в Пекин с 31 марта по 2 апреля.
15 марта 2026	Л. Хэ, С. Бессент, Д. Грир встречаются в Париже для обсуждения создания Совета по торговле США-КНР (Board of Trade) и урегулирования споров до их выноса в Комитет по иностранным инвестициям США.
16 марта 2026	Трамп заявляет, что попросил КНР перенести его визит на месяц (на май) в связи с конфликтом на Ближнем Востоке (кризис в Ормузском проливе).

22 апреля 2026	Д. Грир заявляет, что на майском саммите в Пекине США будут настаивать на расширении долгосрочных закупок сельскохозяйственной продукции Китаем.
14 мая 2026	Д. Трамп совершает двухдневный визит в Пекин (14-15 мая). КНР соглашается закупать сельхозпродукцию на \$17 млрд в год, 200 самолетов Boeing, американскую нефть. Созданы двусторонние Совет по торговле и Совет по инвестициям.
20 мая 2026	США и Китай согласовывают условия замены тарифов ИЕЕРА на пошлины Раздела 301, но США откладывают решение о продлении годового перемирия, истекающего в ноябре 2026 года.
2 июля 2026	После телефонного звонка Ван И с Марко Рубио, Министерство торговли КНР подтверждает соглашение о взаимном сокращении тарифов на сельхозтовары.
22 июля 2026	И. Ван и М. Рубио проводят 90-минутные переговоры на полях саммита АСЕАН в Маниле. Стороны ведут конструктивный диалог для подготовки планируемого визита Си Цзиньпина в США в сентябре.
30 июля 2026	В формате видеозвонка Хэ Лифэн обсуждает торгово-тарифные трения с С. Бессентом и Д. Гриром, выражая озабоченность КНР санкциями и готовя визит Си Цзиньпина.

Источник: таблица составлена автором на основе [10].

Технологическое измерение. Технологическая конкуренция качественно трансформировалась. П. Ким и Дж. Ян, оценивая первый год второго срока Трампа, выделяют четыре задачи администрации: реиндустриализация экономики, сохранение лидерства в искусственном интеллекте, снижение зависимости от КНР и восстановление глобального престижа. В сфере ИИ США сохраняют преимущество в вычислительных мощностях, проектировании чипов и развитии цифровых платформ. Однако эффективность снижается из-за непоследовательности государственной политики, в том числе из-за изменчивого режима экспортного контроля [16]. Экспортный контроль в сфере полупроводников и передовых технологий все чаще используется не только как инструмент обеспечения национальной безопасности, но и как средство торгового давления для получения уступок со стороны Китая [14]. Китай же развивает собственную отрасль искусственного интеллекта, снижая зависимость от зарубежных технологий, а также расширяет присутствие на мировых рынках через государственные программы поддержки [16].

Анализируя американскую стратегию в сфере квантовых технологий, Х. Сун указывает, что наряду с ужесточением экспортного контроля и инвестиционных ограничений в отношении КНР, Вашингтон опирается на оптимизацию стратегического планирования, консолидацию корпоративных ресурсов, расширение государственно-частного партнерства, распределение ресурсов между государством, бизнесом и наукой, а также углубление сотрудничества с союзниками [19, с. 72].

Анализируя стратегию критически важных минералов второй администрации Трампа, Ц. Вэй указывает, что Вашингтон стремится снизить зависимость от КНР. Реализация этой стратегии разворачивается по трем направлениям: первое – укреплению сырьевой базы за счет стимулирования внутренней разведки и снятия ограничений на глубоководную добычу в рамках указа от 24 апреля 2025 г.; второе – заключение двусторонних соглашений с альтернативными поставщиками – Украиной, Демократической Республикой Конго, Индонезией и Саудовской Аравией; третье – углубление многосторонней кооперации с Японией, Индией и Австралией в рамках запуска в июле 2025 г. инициативы QUAD по критически важным минералам [20, с. 65].

Китай контролирует критически важные минералы для оборонной и высокотехнологичной промышленности, что, по мнению Ц. Юань, стало эффективным ответом на американский экспортный контроль [21, с. 9]. Дж. Миннич указывает, что американо-китайское соперничество создает для стран Глобального Юга дополнительные рычаги для получения технологий [22, с. 412].

Внутренним проявлением технологического соперничества стало формирование того, что Ч. Сун и Ц. Хуан называют «американским научнопромышленным комплексом», – системы взаимодействия государственных ведомств, крупнейших технологических компаний, венчурного капитала и исследовательских центров, которые объединены задачами конкуренции с КНР [43].

Искусственный интеллект, полупроводники и квантовые технологии все теснее связываются с вопросами национальной безопасности США. Это обеспечивает относительную преемственность американской технологической политики даже при смене администраций [23, с. 19].

Показательным стало решение Федеральной комиссии по связи США, которая 27-28 июля 2026 г. включила в санкционный перечень зарубежные «продвинутые робототехнические устройства» и силовые инверторы, сославшись на риски для национальной безопасности. Формально меры затрагивали продукцию из всех иностранных государств, однако их антикитайская направленность была очевидна, учитывая ведущие позиции КНР в производстве современных гуманоидных роботов. 31 июля 2026 г. Министерство внутренней безопасности США включило 43 китайские компании в перечень организаций, подпадающих под действие Закона о предотвращении принудительного труда уйгуров. В ответ на это 5 августа Пекин объявил об ограничении экспорта беспилотников и их компонентов в США, включении шести американских компаний в «список контрмер», а также о начале расследования в отношении офисного оборудования с иностранным программным обеспечением [10].

Военно-стратегическое измерение. Несмотря на снижение накала военно-стратегического противостояния в 2025-2026 гг., согласно оценкам В. Кашина, китайские программы стратегических ядерных сил и атомного подводного флота продолжали работу [9]. Со стороны США же не останавливалось наращивание сдерживания в Индо-Тихоокеанском регионе и укрепление AUKUS с QUAD [24, с. 8].

Тайваньский вопрос – «красная линия» Пекина и проверка доверия американских союзников – приобрел новую специфику согласно Ц. Юань [21, с. 8]. В декабре 2025 г. Трамп одобрил пакет вооружений для Тайваня на 11 млрд. долларов [14]. В январе 2026 г. США и Тайвань заключили торговоинвестиционное соглашение, в котором Тайвань обязался направить 250 млрд. долларов в виде инвестиций и предоставить кредитные гарантии еще на 250 млрд. долларов для развития американской полупроводниковой промышленности. Белый дом издал прокламацию на основании Раздела 232 о «корректировке» импорта полупроводников и соответствующего оборудования по соображениям национальной безопасности [25]. Сам Д. Трамп отказывался публично отвечать на вопросы о поведении США в случае конфликта в Тайваньском проливе и подчеркивал важность личных отношений с Си при обсуждении темы [26].

С. Мессингслагер отмечает двойственный эффект «транзакционной» модели сдерживания: с одной стороны, она усиливает способность США не допустить достижения Китаем своих целей за счет ускоренных поставок вооружений и наращивания военно-промышленного потенциала, но с другой стороны, такой подход снижает убедительность угрозы ответных мер и повышает нестабильность в кризисных ситуациях, поскольку американские обязательства перед Тайванем все чаще воспринимаются как предмет возможного торга. Основной риск в этих условиях связан с усилением давления на Тайвань и ослаблением сдерживания вследствие получения Китаем отдельных уступок. В декабре 2025 г. КНР провела крупнейшие военные учения вокруг Тайваня, которые рассматривались как отработка блокады и ограниченных ударов без перехода к полномасштабному вторжению. 17 января 2026 г. Тайвань зафиксировал проникновение китайского беспилотника в воздушное пространство над архипелагом Пратас [25].

Ф. Цзян прослеживает трансформацию Индо-Тихоокеанской стратегии США. Если администрация Джо Байдена делала ставку на «всеобъемлющее сдерживание» через разветвленную сеть «малых многосторонних форматов» (AUKUS, QUAD, Indo-Pacific Economic Framework), то при Трампе 2.0 происходит переход к логике «точечного сдерживания» и «повышения эффективности при снижении издержек». Вашингтон смещает фокус с опоры на союзников на прямое двустороннее противостояние с КНР в сфере высоких технологий, торговли и безопасности, перекладывая финансовое бремя на партнеров [27, с. 124]. Д. Дяо указывает, что на втором сроке Трамп сохраняет основную рамку «стратегической конкуренции» Байдена, но делает торговоэкономические вопросы центральным звеном противостояния с Пекином [28, с. 110].

Внутриполитические драйверы. Во внешней политике Д. Трампа заметно влияние внутриполитических факторов. Согласно Ш. Ли, курс США в отношении КНР во многом определяется электоральными

интересами, когда внешнеполитические решения используются для укрепления позиций президента внутри страны. После 2024 г. консервативно-популистская повестка прочно закрепилась в Республиканской партии, а внешняя политика стала учитывать ожидания электората в политической, экономической, военной и социальной сферах [29, с. 1].

Несмотря на отход от жесткого антикитайского курса, политика Д. Трампа не вызывает заметного сопротивления внутри Республиканской партии. Около 70% республиканских избирателей поддерживают Трампа согласно данным Ц. Цзя [26]. Такое сочетание внутрипартийного контроля с транзакционностью создает «более непредсказуемый и бурный период, чреватый рисками», как подмечают С. Чан и В. Ху [3, с. 525].

С. Гун рассматривает «Трамп 2.0» как отражение «правого популизма» – сочетания внутриприоритетности и соперничества с КНР в более гибких формах [30, с. 93]. Ш. Фу дополняет: «America First» – «не просто политический лозунг, а институционализированное выражение внутренних популистских настроений во внешнеполитической сфере» [31, с. 68]. М. Чжао и Ц. Чоу определяют, что «America First» оформляется через рамку конкурентной многополярности, в которой США балансируют между сохранением исключительного статуса и признанием многополярной архитектуры [32, с. 69].

Второй срок Д. Трампа проходит на фоне более широкой трансформации мировой политики. В. Чэнь через призму «больших изменений, невиданных за столетие» подчеркивает, что подход Трампа к КНР следует анализировать не только изнутри США, но и в контексте реконфигурации глобального управления [33, с. 2]. Как выделяет Э. Исабаев, возвращение Трампа – не просто индивидуальный реванш, а цивилизационный перелом, когда популизм, антиглобализм и новая прагматичная политика становятся частью глобального тренда [34]. Ту же тенденцию фиксирует П. Смирнов, указывая на пересмотр приоритетов в пользу «национальных интересов США над глобалистскими задачами по поддержанию американской гегемонии» [35, с. 38]. Ю. Хонг показывает, что сдвиг силового баланса вкупе с внутренним политическим расколом и «демократическим регрессом» в США подрывает возможность гегемонии и делает биполярную трансформацию неизбежной [36, с. 84].

Реакция Китая. Ранней весной 2024 г., задолго до очевидности выдвижения Д. Трампа, как отмечает А. Габуев, китайские ведомства и мозговые центры получили задание разработать сценарии поведения на случай его возвращения. «Мы решили воспринимать риторику Трампа буквально: что говорит, то и будет делать. И даже хуже», – сформулировал стратегический принцип один из китайских аналитиков [5]. С. Ву формулирует китайскую стратегию в новых обстоятельствах как «смелость бороться и уметь вести переговоры». Результатом стало заметное улучшение позиций Китая в китайско-американском противостоянии [2, с. 38].

Заблаговременная подготовка позволила Пекину действовать хладнокровно на протяжении всего кризиса весны 2025 г. Согласно Ю. Морозову, ответом КНР на американское давление стали зеркальные пошлины и укрепление связей с Россией [37, с. 50]. Китай с его нынешними возможностями, как подчеркивает С. Лавров, маловероятно примет американский диктат без сопротивления [4, с. 25].

Внутри китайского экспертного дискурса в 2025-2026 гг. усилились две интерпретации новой ситуации. Оптимистическая исходит из того, что тарифное перемирие подтверждает нарастающий потенциал Китая. «Сейчас Китай наиболее уверен в себе, а США – наименее», – писал бывший главный редактор Global Times С. Ху [13, с. 2]. С. Фан и С. Ли, замерявшие китайское общественное мнение до и после президентских выборов, пришли к тому, что большинство респондентов видят Китай в руководящей роли [38, с. 455]. Более осторожная интерпретация, представленная Ц. Цзя, характеризует текущую стабильность как «хрупкую», так как противоречия сторон не были разрешены [26]. Ч. Ву и др., оценивая политику Трампа 2.0, приходят к выводу, что структурная жесткая линия на сдерживание Китая сохраняется и становится все более конкретной [39, с. 16].

Сценарии развития американо-китайских отношений на 2026-2028 гг. Р. Хасс из Брукингского института выделяет три возможные траектории

эволюции американо-китайских отношений на оставшийся период президентства Д. Трампа. Сценарий 1 – «мягкая посадка»: Д. Трамп продолжает примирительный курс, Си Цзиньпин отвечает взаимностью, стороны снижают барьеры для торговли и инвестиций, Китай наращивает закупки американской продукции, Пекин снимает ограничения на экспорт редкоземельных металлов, а Вашингтон ослабляет экспортный

контроль. Требуется политической воли обеих сторон и сталкивается с системным недоверием. Сценарий 2 – «жесткий разрыв»: Д. Трамп разочаровывается в китайском лидере (по аналогии с первым сроком) и возвращается к политике жесткого сдерживания. Триггерами могут стать невыполнение Пекином обязательств, обострение вокруг Тайваня или новая волна китайских экспортных ограничений; в таком случае тарифы возвращаются на пиковый уровень, а разрыв цепочек ускоряется. Сценарий 3 – «выигрыш времени и изоляция» – наиболее вероятный, по оценке Хасса. Стороны используют период стабильности не для примирения, а для подготовки к возможному обострению. Пекин наращивает технологическую самодостаточность и диверсифицирует рынки сбыта, Вашингтон ускоряет промышленную мобилизацию и укрепляет союзнические цепочки поставок [14].

К выводу о хрупкости и обратимости нынешней стабилизации также приходят российские и китайские исследователи. С. Лузянин указывает, что зонами повышенной конфликтности останутся торгово-тарифные войны, ограничения на американские инвестиции в технологии и инфраструктуру, а также ограничение американского углеводородного импорта в КНР [24, с. 5]. С. Лавров отмечает, что акценты второго срока отражают субъективные личные воззрения Трампа и признаки фундаментальных сдвигов в глобальном позиционировании США в период ослабления мировых позиций коллективного Запада. Наиболее вероятный сценарий – возвращение к поиску двустороннего компромисса через переговоры [4, с. 25]. Согласно С. Чжао, приоритеты лидеров, личные восприятия и политические стимулы могут менять траекторию самых значимых двусторонних отношений в мире [13, с. 2]. С. Шах и К. Браун предупреждают, что перезапуск американо-китайских отношений вполне возможен, но зависит как от структурных факторов, так и от индивидуальных решений [40]. Основной прогноз С. Лоуренс и К. Саттер – сохранение сочетания декларативной стабильности и практической конкуренции на фоне ожидаемого визита Си Цзиньпина в Вашингтон 24 сентября 2026 г. [41].

Заключение

Анализ американо-китайских отношений в январе 2025 г. – августе 2026 г. позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, начальная фаза второго президентского срока Д. Трампа подтвердила прогнозы о резкой эскалации, когда тарифы «Дня освобождения» апреля 2025 г. вывели двусторонние ставки на беспрецедентный уровень – 145% со стороны США и 125% со стороны КНР. Вторая половина 2025 г. и первая половина 2026 г. показали разворот к ограниченной стабилизации, зафиксированной саммитом в Пусане 30 октября 2025 г. и визитом Д. Трампа в Пекин 14–15 мая 2026 г. Характер этой стабилизации остается хрупким – ни одно из базовых противоречий не разрешено до конца, а лишь отложено. Двусторонний товарооборот продолжил сокращаться, стороны наращивали военные потенциалы, а к августу 2026 г. на смену тарифам, признанным Верховным судом США незаконными, пришли новые ограничения и точечные технологические запреты, сопровождаемые китайскими контрмерами.

Во-вторых, произошел качественный концептуальный сдвиг, когда администрация отказалась от рамки стратегического соперничества великих держав эпохи Байдена в пользу транзакционного подхода, сфокусированного на торговле, технологиях и минимизации идеологического компонента. Экспортный контроль и тайваньский вопрос превратились из неотступных требований национальной безопасности в разменные инструменты сделок. Такое перепрограммирование курса прошло без заметного сопротивления Республиканской партии, что во многом объясняется личным контролем Д. Трампа над электоральной коалицией.

В-третьих, теоретическое осмысление в рамках ведущих парадигм международных отношений дает особую картину. Структурный реализм убедительно раскрывает устойчивость соперничества как следствие сдвига в распределении силы, но не объясняет транзакционные развороты Д. Трампа. Либерализм проясняет роль институтов и оружейной взаимозависимости, однако недооценивает вес лидерских решений. Конструктивизм помогает понять сдвиг риторики – исчезновение термина «соперничество великих держав» из Стратегии национальной безопасности 2025 г., отказ Д. Трампа от критики Синьцзяна, Тибета и Гонконга, концепт «эры G2», – однако обладает слабой предсказательной силой. Применение всех трех парадигм оказывается более продуктивным, чем рассмотрение лишь сквозь призму одной из них.

В-четвертых, ключевой особенностью новой фазы стало появление у Китая эффективного инструмента взаимного сдерживания – экспортного контроля над редкоземельными металлами. Именно этот инструмент позволил Пекину в апреле-мае 2025 г. вынудить Вашингтон к деэскалации без стратегических уступок. Построение альтернативных цепочек поставок требует десятилетий, что дает Китаю окно продолжительного преимущества. В США важнейшим внутривластным драйвером конкуренции становится формирующийся научно-промышленный комплекс, придающий стратегии сдерживания устойчивость.

В-пятых, дипломатическое направление продемонстрировало восстановление регулярных контактов – от инаугурационного телефонного разговора лидеров 17 января 2025 г. до Пусанского саммита, Пекинского визита и ожидаемого визита Си Цзиньпина в Вашингтон 24 сентября 2026 г. Двусторонний диалог сместился в сторону личной дипломатии двух лидеров, а разделяемая ими цель – продемонстрировать мастерство в управлении друг другом – превратилась в самостоятельный фактор двусторонней стабилизации.

В-шестых, из трех сценариев развития отношений на 2026-2028 гг. – «мягкой посадки», «жесткого разрыва», «выигрыша времени и изоляции» – наиболее вероятным остается третий, то есть использование периода стратегической стабильности каждой из сторон для укрепления позиций перед возможным новым раундом обострения. Это делает нынешнюю фазу окном не для стратегического примирения, а для стратегической паузы. Американо-китайское соперничество не столько завершается, сколько реорганизуется – на смену биполярной конфронтации приходит многоуровневая архитектура, в которой конкуренция и точечное сотрудничество сосуществуют в единой системе.

Для государств Центральной Азии, включая Республику Казахстан, нынешняя фаза американо-китайского соперничества создает как окна возможностей – за счет стратегического регионализма и переориентации глобальных цепочек поставок на региональные хабы, – так и вызовы, которые связаны с непредсказуемостью американской политики и рисками попадания под вторичные ограничения в сфере технологий и критически важных минералов. Осмысление динамики отношений двух ведущих держав в 2025-2026 гг. предстает тем самым не только академической задачей, но и практическим требованием для формирования взвешенной многовекторной внешней политики различных государств.

Список литературы

1. He, K., Feng, H. (2025) "International relations theory and US-China competition: A theoretical exploration", *The British Journal of Politics and International Relations*, pp. 1-23. <https://doi.org/10.1177/13691481251391643>
2. 吴心伯. (2026) 特朗普归来与中美博弈的新阶段, *国际问题研究*, 2, 35- Available via the link: https://cas.fudan.edu.cn/_local/0/EC/94/DA124BABBCBECA69670EACA5BCC_9DD98CF4_8B918.pdf (Accessed: 10.06.2026)
3. Chan, S., Hu, W. (2025) Sino-American relations: Enduring a turbulent Trump 2.0 presidency. *Asian Survey*, 65(4-5), pp. 525-554. Available via the link: <https://online.ucpress.edu/as/article/65/4-5/525/212261> (Accessed: 10.06.2026)
4. Лавров, С.В. (2025) Американо-китайские отношения при Трампе новое обострение или новый этап соперничества? Доступно по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikano-kitayskie-otnosheniya-pri-trampe-2-0-novoe-obostrenie-ili-novyy-etap-sopernichestva> (Дата обращения: 10.06.2026).
5. Габуев, А. (2026) Выгода из тупика. Куда идут отношения США и Китая после визита Трампа. Доступно по ссылке: <https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2026/05/china-trump-visit-deals> (Дата обращения: 10.06.2026).
6. Стрельська, І.О., Калюжна, Н. . (2025) «Геополітичні витоки торговельної конфронтації між США та Китаєм», *Бізнес Інформ*, 9, стр. 8-16. Доступно по ссылке: https://www.business-inform.net/article/?year=2025&abstract=2025_9_0_8_16 (Дата обращения: 10.06.2026).
7. Rifa'i, A. (2026) "The return of Trump's threat: a new episode of the US-China trade war", *Asian Review of Political Economy*, 5(1), 2, pp. 1-26. <https://doi.org/10.1007/s44216-025-00065-5>
8. Li, J. (2026) "Trump's Tariff Offensive and the Rise of Strategic Regionalism: Toward Decentralized Globalization", *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, pp. 1-29. <https://doi.org/10.1007/s40647-026-00463-w>
9. Кашин, В.Б. (2026) Китайско-американские отношения в 2026 году: затишье перед бурей. Доступно по ссылке: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitaysko-amerikanskije-otnosheniya-v-2026-godu-zatishye-pered-burej>

2026-godu-zatishe-pered-burey/ (Дата обращения: 10.06.2026).

10. China Briefing (2026). US-China Relations in the Trump 2.0 Era: A Timeline. Available via the link: <https://www.china-briefing.com/news/us-china-relations-in-the-trump-2-0-implications/> (Accessed: 10.06.2026)

11. 张哲.(2026) 美国对华经贸政策何以安全化? 国际展望, 18(1), pp.106-129. <https://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202601006>.

12. The White House. (2025) National Security Strategy of the United States of America. Available via the link: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (Accessed: 10.06.2026)

13. Zhao, S. (2026) "The Rise and Fall of a New Cold War: The US-China Great Power Rivalry from President Trump I to II", Journal of Contemporary China, pp. 1-18. <https://doi.org/10.1080/10670564.2025.2601433>

14. Hass, R. (2026) Three potential pathways for US-China relations under Trump. Available via the link: <https://www.brookings.edu/articles/three-potential-pathways-for-us-china-relations-under-trump/> (Accessed: 10.06.2026)

15. Kagan, E.D. (2026) Trump-Xi Summit in Beijing: Managing the World's Most Important Relationship. Available via the link: <https://www.csis.org/analysis/trump-xi-summit-beijing-managing-worlds-most-important-relationship> (Accessed: 10.06.2026)

16. Kim, P. M., Yang, J. (2026) Making America great again? Evaluating Trump's China strategy at the one-year mark. Available via the link: <https://www.brookings.edu/articles/making-america-great-again-evaluating-trumps-china-strategy-at-the-one-year-mark/> (Accessed: 10.06.2026)

17. 信强.(2026) 特朗普第二任期对华“三合一”策略评析. 现代国际关系, 5, pp. 28-50. Available via the link: <https://iis.fudan.edu.cn/ed/21/c6852a781601/page.htm> (Accessed: 10.06.2026).

18. Clarke, M. (2026) "The good, the bad and the ugly: Scenarios of Sino-US competition and their implications for Australian defense policy", Comparative Strategy, pp. 1-29. <https://doi.org/10.1080/01495933.2026.2654190>

19. 孙海泳. (2026) 美国量子技术竞争战略布局与实施路径. 国际展望, 18(2), pp. 72-93. <https://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202602004>

20. 韦宗友.(2025) 特朗普2.0美国关键矿产战略及其影响. 当代世界, 10, pp.62-68. Available via the link: <https://iis.fudan.edu.cn/87/e0/c6852a755680/page.htm> (Accessed: 10.06.2026)

21. Yuan, J. (2025) "US-China Relations and the Second Trump Administration", East Asian Policy, 17(2), pp. 7-21. <https://doi.org/10.1142/S1793930525000091>

22. Minnich, J. (2025) "Trump, US-China competition, and the future of technology transfer", Global Public Policy and Governance, 5(4), pp. 411-421. <https://doi.org/10.1007/s43508-025-00125-9>

23. 孙成昊, 黄佳丽.(2025) 美国科工复合体的兴起、影响与前景. 美国研究, 39(5), pp. 19-47. Available via the link: https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/new_achievement_lw/1000000008712 (Accessed: 10.06.2026)

24. Лузянин, С.Г. (2025) «Китай – США: модель 2025. Возможен ли новый треугольник «Россия – Китай – США»? Азия и Африка сегодня, 4, стр. 5-12. Доступно по ссылке: <https://journals.rcsi.science/0321-5075/article/view/288455> (Дата обращения: 10.06.2026).

25. Messingschlager, S. (2026) Trump's Taiwan Gamble: How U.S. Transactionalism Reshapes Beijing's Risk Calculus. Available via the link: <https://jia.sipa.columbia.edu/news/trumps-taiwan-gamble-how-us-transactionalism-reshapes-beijings-risk-calculus> (Accessed: 10.06.2026)

26. 贾庆国. (2026) 脆弱的稳定——特朗普第二任期中美关系回顾与展望. 可通过链接获取. Available via the link: <https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/8913.htm> (Accessed: 10.06.2026)

27. 蒋芳菲.(2026) 从特朗普1.0到2.0 : 美国“印太战略”的演变与新动向. 国际经济评论, 1, pp. 9734 Available via the link: http://www.iwep.org.cn/xscg/xscg_lwybg/202602/t20260211_5973329.shtml (Accessed: 10.06.2026)

28. 刁大明.(2025) 从1.0到2.0 : 特朗普政府对华安全战略的延续与政策变化. 国际安全研究, 43(1), pp. 96-114. <https://doi.org/10.14093/j.cnki.cn10-1132/d.2025.01.005>

29. Li, S. (2026) "Explaining Trump's Second-Term China Policy: Conservative Populism and Audience Reward Logic", Chinese Journal of International Review, 8(02), pp. 1-31.

30. 宫小飞. (2025) 特朗普2.0的施政逻辑与对华政策. 国际问题研究, 5, 93-115. Available via the link: <https://>

- ru.scribd.com/document/1050232911/2025-宫小飞-特朗普-2-0-的施政逻辑与对华政策 (Accessed: 10.06.2026)
31. 付舒. (2025) “美国优先”长期化：民粹主义外交的民意基础. 外交评论(外交学院学报), 42(6), pp. 66-91. Available via the link: https://fushu18.github.io/files/research/“美国优先”长期化：民粹主义外交的民意基础_付舒. (Accessed: 10.06.2026)
32. 赵明昊, 仇家畅. (2025) 应对竞争性多极世界：特朗普第二任期外交政策初探. 当代美国评论, 9(3), pp. 66-84. Available via the link: <https://cas.fudan.edu.cn/info/1033/27293.htm> (Accessed: 10.06.2026)
33. 陈文玲. (2025) 特朗普第二任期对华战略与政策走向. 人民论坛学
34. 术前沿, 9, pp. 1-14. Available via the link: <https://www.rmlt.com.cn/2025/0523/730795.shtml> (Accessed: 10.06.2026)
35. Исабаев, Э. (2025) Трамп 2.0 и метамодерн в мировой политике. Доступно по ссылке: <https://forbes.kz/articles/tramp-20-i-metamodern-v-mirovoy-politike-7d6b34> (Дата обращения: 10.06.2026).
36. Смирнов, П.Е. (2025) «Второе президентство Д. Трампа: национальный интерес или «порядок, основанный на правилах»?», Вестник Московского университета, Серия 25: Международные отношения и мировая политика, 3, стр. 38-79. Доступно по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoroe-prezidentstvo-d-trampa-natsionalnyy-interes-ili-poryadok-osnovannyu-na-pravilah> (Дата обращения: 10.06.2026).
37. Khong, Y.F. (2026) “The American Tributary System Revisited”, The Chinese Journal of International Politics, 19(1), pp. 83-99. <https://doi.org/10.1093/cjip/poaf021>
38. Морозов, Ю.В. (2025) «Противостояние Китая политике США во времена обеих каденций Д. Трампа. Китай в мировой и региональной политике», История и современность, 30, стр. 41-54. Доступно по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivostoyanie-kitaya-politike-ssha-vo-vremena-obeih-kadentsiy-d-trampa> (Дата обращения: 10.06.2026).
39. Fang, S., Li, X. (2025) “Chinese Views on US–China Relations: Public Opinion in the 2020 and 2024 US Presidential Elections”, Chinese Journal of International Politics, 18, 4, pp. 454-472. <https://doi.org/10.1093/cjip/poaf013>
40. Wu, C. et al. (2025) Outlook for the Trump 2.0 Administration’s China Policy. Available via the link: <https://www.siis.org.cn/SIISReport/17514.jhtml> (Accessed: 10.06.2026).
41. Shah, S., Brown, C. (2025) US–China relations under Trump 2.0: Reset or restart? Available via the link: <https://www.kcl.ac.uk/lci/assets/2025/us-china-relations-under-trump-2.0.pdf> (Accessed: 10.06.2026).
42. Lawrence, M., Sutter, R. (2026) China Primer: U.S.-China Relations. Available via the link: <https://www.congress.gov/crs-product/IF10119> (Accessed: 10.06.2026).

М.И. Абизова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

(E-mail: a.maryam.4444@gmail.com)

Дональд Трамптың екінші президенттік мерзіміндегі АҚШ-Қытай қатынастары

Аңдатпа. Мақалада Дональд Трамптың екінші президенттік кезеңіндегі АҚШ-Қытай қатынастарының 2025 жылғы қаңтардан 2026 жылғы тамызға дейінгі трансформациясы қарастырылады. Зерттеу нысаны – қазіргі әлемдік саясаттың орталық түйіндерінің бірі болып табылатын Америка Құрама Штаттары мен Қытай Халық Республикасы арасындағы екіжақты қатынастар, ал зерттеу пәні – 2025 жылдың көктеміндегі тарифтік шиеленісуден 2025 жылғы қазанда Пусанда өткен көшбасшылар саммиті және Д. Трамптың 2026 жылғы мамырда Бейжіңге сапары арқылы бекітілген «шектеулі тұрақтандыруға» көшу логикасы. Жұмыстың өзектілігі бәсекелестік кезеңдерінің жедел ауысуымен – жүйелік қарсыласудан тактикалық қалыпқа келуге және одан қайтадан нысаналы шектеулерге көшуімен – сондай-ақ бұл үдерісті Орталық Азия мемлекеттері үшін зерделеу қажеттілігімен байланысты. Зерттеу мақаласында талдау өзара байланысты бірнеше өлшем бойынша жүргізіледі: экономикалық, дипломатиялық, технологиялық, әскери-стратегиялық және ішкі саяси өлшемдер, сондай-ақ Бейжіңнің жауап стратегиясы ескеріледі. Зерттеудің теориялық шеңберін құрылымдық реализм, либерализм және конструктивизм тұжырымдамаларын салыстыру құрайды. Бұл екі

державаның құрылымдық бәсекелестігінің тұрақтылығын да, оның жаңа нысандарын да – экономикалық байланыстарды іріктеп секьюритизациялауды, жартылай өткізгіштер мен аса маңызды минералдар саласындағы нысаналы экспорттық бақылауды, сондай-ақ екі көшбасшының жеке дипломатиясын – анықтауға мүмкіндік береді. 2026- 2028 жылдардағы оқиғалар дамуының ең ықтимал траекториясы стратегиялық үзіліс сценарийі болып қала береді, оның барысында АҚШ пен ҚХР ықтимал жаңа шиеленіс кезеңінің алдында өз позицияларын нығайтады. Зерттеу нәтижелері Қазақстан Республикасын қоса алғанда, Орталық Азия мемлекеттерінің теңгерімді көпвекторлы сыртқы саясатын қалыптастыру үшін практикалық маңызға ие.

Түйін сөздер: Америка Құрама Штаттары, Қытай Халық Республикасы, Дональд Трамп, Си Цзиньпин, Америка-Қытай қатынастары, стратегиялық бәсекелестік, тарифтік соғыс, экспорттық бақылау, сирек жер металдары, Үнді- Тынық мұхиты.

M.I. Abizova

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

(E-mail: a.maryam.4444@gmail.com)

USA-China relations during Donald Trump's second presidential term

Abstract. The article examines the transformation of U.S.-China relations during the first several months of Donald Trump's second presidential term, from January 2025 to August 2026. The object of the study is the bilateral relations between the United States of America and the People's Republic of China as a central nexus of contemporary world politics, while the subject is the logic of the transition from the tariff escalation of spring 2025 to the 'limited stabilisation' consolidated by the leaders' summit in Busan in October 2025 and D. Trump's visit to Beijing in May 2026. The relevance of the study is associated with the accelerated succession of phases of rivalry – from systemic confrontation to tactical normalisation and back to targeted restrictions – and with the need to conceptualise these developments for the states of Central Asia. The analysis is structured around several interconnected dimensions: economic, diplomatic, technological, military-strategic and domestic political, while also taking into account Beijing's response strategy. The theoretical framework of the study is formed by a comparison of structural realism, liberalism and constructivism, which makes it possible to identify both the persistence of structural rivalry between the two powers and its new forms – the selective securitisation of economic ties, targeted export controls in the field of semiconductors and critical minerals, as well as the personal diplomacy of the two leaders. The most likely trajectory of developments in 2026-2028 remains a scenario of strategic pause, during which the United States and the PRC strengthen their respective positions ahead of a possible new round of escalation. The findings of the study are of interest for the formulation of a balanced multi-vector foreign policy by the states of Central Asia, including the Republic of Kazakhstan.

Keywords: United States of America, People's Republic of China, Donald Trump, Xi Jinping, US-China relations, strategic rivalry, tariff war, export controls, rare-earth metals, Indo-Pacific region.

References

1. He, K., Feng, H. (2025) "International relations theory and US-China competition: A theoretical exploration", *The British Journal of Politics and International Relations*, pp. 1-23. <https://doi.org/10.1177/13691481251391643>
2. 吴心伯. (2026) 特朗普归来与中美博弈的新阶段, *国际问题研究*, 2, 35- Available via the link: https://cas.fudan.edu.cn/_local/0/EC/94/DA124BABBCBECA69670EACA5BCC_9 DD98CF4_8B918.pdf (Accessed: 10.06.2026). [in Chinese]
3. Chan, S., Hu, W. (2025) Sino-American relations: Enduring a turbulent Trump 2.0 presidency. *Asian Survey*, 65(4-5), pp. 525-554. Available via the link: <https://online.ucpress.edu/as/article/65/4-5/525/212261> (Accessed: 10.06.2026)
4. Lavrov, S.V. (2025) Amerikano-kitajskie otnosheniya pri Trampe novoe obostrenie ili novyy jetap sopernichestva? Dostupno po ssylke: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikano-kitayskie-otnosheniya-pri-trampe-2-0-novoe-obostrenie-ili-novyy-etap-sopernichestva> (Data obrashheniya: 10.06.2026). [in Russian]

-
5. Gabuev, A. (2026) Vygoda iz tupika. Kuda idut otnosheniya SShA i Kitaja posle vizita Trampa. Dostupno po ssylke: <https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2026/05/china-trump-visit-deals> (Data obrashheniya: 10.06.2026). [in Russian]
 6. Strzhel's'ka, I.O., Kaljuzhna, N. . (2025) «Geopolitichni vitoki torgovel'noi konfrontacii mizh SShA ta Kitaem», Biznes Inform, 9, str. 8-16. Dostupno po ssylke: https://www.business-inform.net/article/?year=2025&abstract=2025_9_0_8_16 (Data obrashheniya: 10.06.2026). [in Russian]
 7. Rifa'i, A. (2026) "The return of Trump's threat: a new episode of the US-China trade war", Asian Review of Political Economy, 5(1), 2, pp. 1-26. <https://doi.org/10.1007/s44216-025-00065-5>
 8. Li, J. (2026) "Trump's Tariff Offensive and the Rise of Strategic Regionalism: Toward Decentralized Globalization", Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences, pp. 1-29. <https://doi.org/10.1007/s40647-026-00463-w>
 9. Kashin, V.B. (2026) Kitajsko-amerikanskije otnosheniya v 2026 godu: zatish'e pered burej. Dostupno po ssylke: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitajsko-amerikanskije-otnosheniya-v-2026-godu-zatishhe-pered-burej/> (Data obrashheniya: 10.06.2026). [in Russian]
 10. China Briefing (2026). US-China Relations in the Trump Era: A Timeline. Available via the link: <https://www.china-briefing.com/news/us-china-relations-in-the-trump-2-0-implications/> (Accessed: 10.06.2026)
 11. 张哲.(2026) 美国对华经贸政策何以安全化? 国际展望, 18(1), pp.106-129. <https://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202601006>. [in Chinese]
 12. The White House. (2025) National Security Strategy of the United States of America. Available via the link: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (Accessed: 10.06.2026)
 13. Zhao, S. (2026) "The Rise and Fall of a New Cold War: The US-China Great Power Rivalry from President Trump I to II", Journal of Contemporary China, pp. 1-18. <https://doi.org/10.1080/10670564.2025.2601433>
 14. Hass, R. (2026) Three potential pathways for US-China relations under Trump. Available via the link: <https://www.brookings.edu/articles/three-potential-pathways-for-us-china-relations-under-trump/> (Accessed: 10.06.2026)
 15. Kagan, E.D. (2026) Trump-Xi Summit in Beijing: Managing the World's Most Important Relationship. Available via the link: <https://www.csis.org/analysis/trump-xi-summit-beijing-managing-worlds-most-important-relationship> (Accessed: 10.06.2026)
 16. Kim, P. M., Yang, J. (2026) Making America great again? Evaluating Trump's China strategy at the one-year mark. Available via the link: <https://www.brookings.edu/articles/making-america-great-again-evaluating-trumps-china-strategy-at-the-one-year-mark/> (Accessed: 10.06.2026)
 17. 信强.(2026) 特朗普第二任期对华“三合一”策略评析. 现代国际关系, 5, pp. 28-50. Available via the link: <https://iis.fudan.edu.cn/ed/21/c6852a781601/page.htm> (Accessed: 10.06.2026). [in Chinese]
 18. Clarke, M. (2026) "The good, the bad and the ugly: Scenarios of Sino-US competition and their implications for Australian defense policy", Comparative Strategy, pp. 1-29. <https://doi.org/10.1080/01495933.2026.2654190>
 19. 孙海泳. (2026) 美国量子技术竞争战略布局与实施路径. 国际展望, 18(2), pp. 72-93. <https://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202602004> [in Chinese]
 20. 韦宗友.(2025) 特朗普2.0美国关键矿产战略及其影响. 当代世界, 10, pp.62-68. Available via the link: <https://iis.fudan.edu.cn/87/e0/c6852a755680/page.htm> (Accessed: 10.01.2026) [in Chinese]
 21. Yuan, J. (2025) "US-China Relations and the Second Trump Administration", East Asian Policy, 17(2), pp. 7-21. <https://doi.org/10.1142/S1793930525000091>
 22. Minnich, J. (2025) "Trump, US-China competition, and the future of technology transfer", Global Public Policy and Governance, 5(4), pp. 411-421. <https://doi.org/10.1007/s43508-025-00125-9>
 23. 孙成昊, 黄佳丽.(2025) 美国科工复合体的兴起、影响与前景. 美国研究, 39(5), pp. 19-47. Available via the link: https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/new_achievement_lw/1000000008712 (Accessed: 10.06.2026) [in Chinese]
 24. Luzjanin, S.G. (2025) «Kitaj – SShA: model' 2025. Vozmozhen li novyj treugol'nik «Rossija – Kitaj – SShA»?», Azija i Afrika segodnja, 4, str. 5-12. Dostupno po ssylke: <https://journals.rcsi.science/0321-5075/article/view/288455> (Data obrashheniya: 10.06.2026). [in Russian]

-
25. Messingschlager, S. (2026) Trump's Taiwan Gamble: How U.S. Transactionalism Reshapes Beijing's Risk Calculus. Available via the link: <https://jia.sipa.columbia.edu/news/trumps-taiwan-gamble-how-us-transactionalism-reshapes-beijings-risk-calculus> (Accessed: 10.06.2026)
26. 贾庆国. (2026) 脆弱的稳定——特朗普第二任期中美关系回顾与展望. 可通过链接获取. Available via the link: <https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/8913.htm> (Accessed: 10.06.2026) [in Chinese]
27. 蒋芳菲. (2026) 从特朗普1.0到2.0：美国“印太战略”的演变与新动向. 国际经济评论, 1, pp. 9734. Available via the link: http://www.iwep.org.cn/xscg/xscg_lwybg/202602/t20260211_5973329.shtml (Accessed: 10.06.2026) [in Chinese]
28. 刁大明. (2025) 从1.0到2.0：特朗普政府对华安全战略的延续与政策变化. 国际安全研究, 43(1), pp. 96-114. <https://doi.org/10.14093/j.cnki.cn10-1132/d.2025.01.005> [in Chinese]
29. Li, S. (2026) "Explaining Trump's Second-Term China Policy: Conservative Populism and Audience Reward Logic", Chinese Journal of International Review, 8(02), pp. 1-31.
30. 宫小飞. (2025) 特朗普2.0的施政逻辑与对华政策. 国际问题研究, 5, 93-115. Available via the link: <https://ru.scribd.com/document/1050232911/2025-宫小飞-特朗普-2-0-的施政逻辑与对华政策> (Accessed: 10.06.2026) [in Chinese]
31. 付舒. (2025) “美国优先”长期化：民粹主义外交的民意基础. 外交评论(外交学院学报), 42(6), pp. 66-91. Available via the link: https://fushu18.github.io/files/research/“美国优先”长期化：民粹主义外交的民意基础_付舒. (Accessed: 10.06.2026) [in Chinese]
32. 赵明昊, 仇家畅. (2025) 应对竞争性多极世界：特朗普第二任期外交政策初探. 当代美国评论, 9(3), pp. 66-84. Available via the link: <https://cas.fudan.edu.cn/info/1033/27293.htm> (Accessed: 10.06.2026) [in Chinese]
33. 陈文玲. (2025) 特朗普第二任期对华战略与政策走向. 人民论坛学
34. 术前沿, 9, pp. 1-14. Available via the link: <https://www.rmlt.com.cn/2025/0523/730795.shtml> (Accessed: 10.06.2026) [in Chinese]
35. Isabaev, Je. (2025) Tramp i metamodern v mirovoj politike. Dostupno po ssylke: <https://forbes.kz/articles/tramp-20-i-metamodern-v-mirovoy-politike-7d6b34> (Data obrashheniya: 10.06.2026). [in Russian]
36. Smirnov, P.E. (2025) «Vtoroe prezidentstvo D. Trampa: nacional'nyj interes ili «porjadok, osnovannyj na pravilah»?», Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 3, str. 38-79. Dostupno po ssylke: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoroe-prezidentstvo-d-trampa-natsionalnyj-interes-ili-poryadok-osnovannyj-na-pravilah> (Data obrashheniya: 10.06.2026). [in Russian]
37. Khong, Y.F. (2026) "The American Tributary System Revisited", The Chinese Journal of International Politics, 19(1), pp. 83-99. <https://doi.org/10.1093/cjip/poaf021>
38. Morozov, Ju.V. (2025) «Protivostojanie Kitaja politike SShA vo vremena obeih kadencij D. Trampa. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike», Istorija i sovremennost', 30, str. 41-54. Dostupno po ssylke: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivostoyanie-kitaya-politike-ssha-vo-vremena-obeih-kadentsiy-d-trampa> (Data obrashheniya: 10.06.2026). [in Russian]
39. Fang, S., Li, X. (2025) "Chinese Views on US-China Relations: Public Opinion in the 2020 and 2024 US Presidential Elections", Chinese Journal of International Politics, 18, 4, pp. 454-472. <https://doi.org/10.1093/cjip/poaf013>
40. Wu, C. et al. (2025) Outlook for the Trump 2.0 Administration's China Policy. Available via the link: <https://www.siis.org.cn/SIISReport/17514.jhtml> (Accessed: 10.06.2026).
41. Shah, S., Brown, C. (2025) US-China relations under Trump 2.0: Reset or restart? Available via the link: <https://www.kcl.ac.uk/lci/assets/2025/us-china-relations-under-trump-2.0.pdf> (Accessed: 10.06.2026).
42. Lawrence, M., Sutter, R. (2026) China Primer: U.S.-China Relations. Available via the link: <https://www.congress.gov/crs-product/IF10119> (Accessed: 10.06.2026).
-

Сведения об авторе:

Абизова М.И. – PhD докторант, Факультет международных отношений, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Абизова М.И. – PhD докторант, Халықаралық қатынастар факультеті, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан.

Abizova M.I. – PhD student, Faculty of International Relations, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Copyright: © 2026 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).